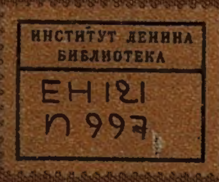
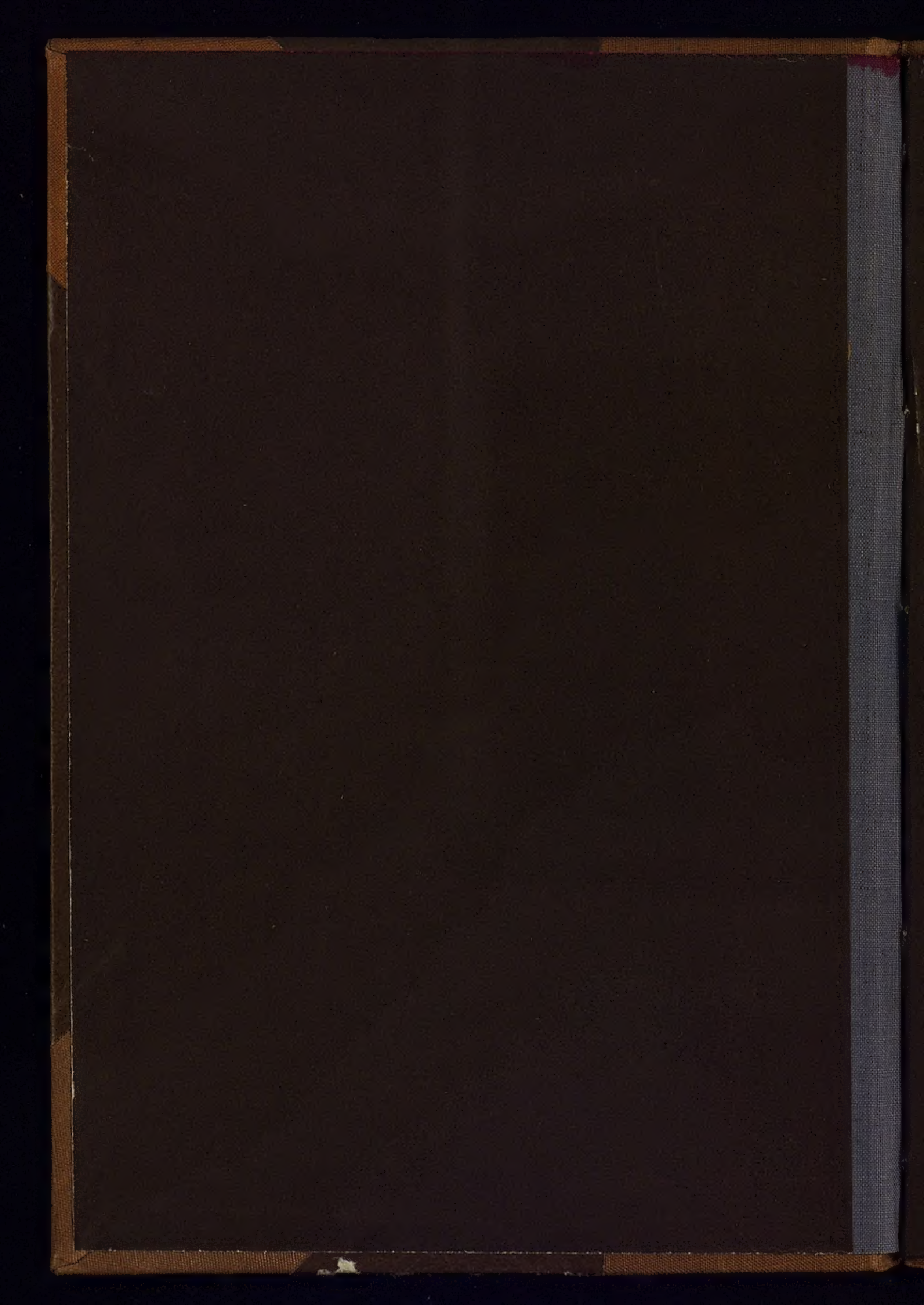
Бухаринъ

ИЮЛЬСКІЕ ДНИ

1917

Россійская Соціалистическая Федеративная Совѣтская Республика.

„Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!"

Н. БУХАРИНЪ и Г. ЗИНОВЬЕВЪ.

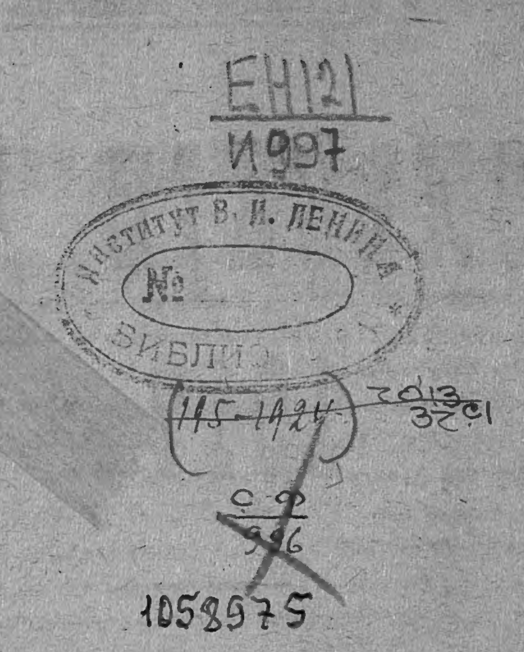
ІЮЛЬСКІЕ ДНИ

1917 г.

Цѣна 40 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Всероссійскаго Центральнаго Исполнительнаго Комитета
Совѣтовъ Р., С. [illegible] и Казач. Депутатовъ.
МО[illegible] 1918

ЕН121
И997
Институт В. И. Ленина
№
Библио
115-1924
2013
3201
С.Ф.
996
1058975

ІЮЛЬСКАЯ ГОДОВЩИНА.

Прошелъ годъ съ того момента, когда шайка Керенскаго, опиравшаяся на генеральный штабъ, юнкеровъ, крупныхъ волковъ и лисицъ капитала, разгромила партію пролетаріата и пыталась терроризировать рабочіе кварталы.

Въ тѣ дни была только одна партія, которая навлекала на себя весь гнѣвъ, всю ненависть, всю бѣшеную, чисто-животную злобу проходимцевъ съ биржевой дороги, жаждавшихъ рабочей крови. Никакая другая партія не испытывала на себѣ сотой части такой ненависти. Правые эсеры, меньшевики, всѣ эти Гоцы и Либеры, Даны, Церетелли и Керенскіе, хитрые политическіе мошенники и почти откровенные бонапартисты, были простыми подручными Милюкова-Бьюкенена-Каледина. За что ихъ было ненавидѣть? Они были ручными. Они были кроткими. Они никогда не поднимали оружія противъ буржуа. Вѣдь, сама революція, по ихъ мнѣнію, должна была быть буржуазной. Ихъ языкъ лепеталъ только слова лести и подобострастія. Но когда они взялись за оружіе въ іюльскіе дни, они стрѣляли по черепамъ петербургскихъ рабочихъ.

Теперь, черезъ годъ, наша партія стоитъ такъ же одиноко, какъ и тогда. И ее ненавидитъ буржуазія такъ же злобно, такъ же бѣшено, какъ и въ черные дни іюля прошлаго года. Гдѣ теперь правые эсъ-эры? Они съ Дутовымъ. Они съ Алексѣевымъ. Они съ чехо-словаками. Они съ самарскими палачами рабочихъ.

Гдѣ теперь меньшевики? Они на Кавказѣ ищутъ себѣ «мощнаго покровителя» въ лицѣ Вильгельма. Эти герои, эти «соціалъ-демократы» охраняютъ помѣщиковъ противъ крестьянства, которое возстаетъ противъ нихъ. А въ центральной Россіи они беззубо, изъ подворотни призываютъ къ сверженію Совѣтской власти, къ стачкамъ рабочихъ

противъ самихъ себя. За ними, жалкими ублюдками, никто не идетъ, ихъ никто не слушаетъ. Но они еще живутъ, они не пустили себѣ еще пули въ лобъ, эта кожа безъ мяса, иссохшія муміи, еще не нашедшія себѣ мѣста въ музеѣ исторіи.

Буржуазія, верховные жрецы Маммона, разгромлены и дезорганизованы. Штабъ эксплуататорской партіи кадетовъ бѣжалъ къ подножію трона ясновельможнаго гетмана и уже «научно» обосновываетъ свой очередной лозунгъ, направленный къ Вильгельму: «Пожалуйте ручку»...

И только одна партія является сейчасъ организованной силой, единственной крупной организованной силой. И эта партія есть наша партія, партія большевиковъ, партія рабочихъ, партія революціоннаго коммунизма.

Годъ тому назадъ ее хотѣли убить. Убить не только физически, но и морально. Въ то самое время, какъ буржуазная сволочь растерзала на куски товарища Воинова, продававшаго «Листокъ Правды»; въ то время, какъ лучшихъ нашихъ товарищей бросили въ тюрьмы; когда громили наши типографіи и подтягивали военную силу для кровавой бойни, хотѣли въ морѣ подлой клеветы потопить нашу партію, Алексинскій съ Переверзевымъ при помощи нѣмецкаго шпіона Ермоленки обвинили всю нашу партію, какъ сбродъ шпіоновъ. О, они знали, эти негодяи, какъ нужно было дѣйствовать! А «благородный» Церетелли, а Чхеидзе, а вожди кадетской партіи? Всѣ помнятъ, какъ на тысячи голосовъ выла эта рать, гикала, улюлюкала: «Держи его!».

Но гдѣ же они теперь, всѣ эти герои? Гдѣ они теперь, эти «благородные» обвинители? Они лежатъ ницъ передъ верховнымъ командованіемъ Вильгельма, они въ прямомъ союзѣ съ нимъ, они его слуги. Вмѣстѣ съ имперіалистскими палачами идутъ они противъ рабочихъ и крестьянъ. Кіевъ и Тифлисъ—вотъ гдѣ сняли съ себя маски герои крапленыхъ картъ и политическаго шулерства.

А наша партія, травимая въ іюлѣ, какъ кучка шпіоновъ, даетъ отпоръ всѣмъ и твердо держитъ знамя въ рукахъ.

Почему?

Потому что она была все время съ пролетаріатомъ и пролетаріатъ былъ все время съ ней.

Въ іюлѣ она не покинула рабочихъ кварталовъ. Она была вмѣстѣ съ рабочими массами, охваченными бурнымъ негодованіемъ, которое вылилось изъ береговъ. Вмѣстѣ съ рабочимъ классомъ она была ранена. Убить ее не удалось. Вмѣстѣ съ рабочимъ классомъ она стала

подыматься. Вмѣстѣ съ нимъ она дала блестящій отпоръ Корнилову,— и съ этой поры начинается ея головокружительный ростъ. «Вся власть Совѣтамъ»—вотъ что стало лозунгомъ рабочихъ, и этотъ лозунгъ былъ лозунгомъ нашей партіи. Подъ этимъ лозунгомъ шелъ пролетаріатъ въ борьбу противъ Керенскаго—Корнилова. Съ этимъ лозунгомъ вышелъ онъ во главѣ съ партіей на октябрьскія баррикады. Въ огнѣ и пороховомъ дымѣ взялъ рабочій классъ власть въ свои руки, поставивъ у руля нашу партію.

Восемь съ лишнимъ мѣсяцевъ стоитъ рабочій классъ и держитъ эту власть въ своихъ рукахъ, и одна партія несетъ на своихъ плечахъ всю тяжесть и можетъ нести, потому что за нею стоитъ героическій рабочій классъ, самый безстрашный, самый мужественный, самый революціонный классъ.

Международный имперіализмъ хочетъ устроить ему іюльскіе дни. Онъ хочетъ нанести побѣдоносной рабочей революціи не только рану, но и смертельную рану. Пусть пробуютъ господа имперіалисты. Свой октябрь будетъ имѣть и международный пролетаріатъ.

Годовщина 3—5 іюля.

Рѣчь Г. Зиновьева на засѣданіи Петроградскаго Совѣта Р. и Кр.-Армейскихъ Депутатовъ.

Товарищи, ровно годъ тому назадъ, третьяго іюля по старому стилю, разыгрались событія, участниками которыхъ многіе изъ насъ были, и которыя имѣютъ, разумѣется, большое историческое значеніе. Переживая теперь годовщину этихъ событій, мы не можемъ пройти мимо ихъ, не остановившись кратко на томъ, что было.

Вы помните обстановку, при которой разыгрались событія 3-5 іюля. Петроградскій пролетаріатъ, какъ и рабочіе всей Россіи, отдалъ дань оборончеству, увы, слишкомъ обильную, слишкомъ долгую дань. Мы помнимъ Петроградскій Совѣтъ, когда онъ выбралъ товарищемъ предсѣдателя Керенскаго, когда онъ шелъ за знаменами господъ оборонцевъ и соглашателей. Это былъ не случайный эпизодъ, это была цѣлая полоса въ исторіи нашей революціи, въ исторіи развитія нашего пролетарскаго движенія. Даже питерскіе рабочіе, даже цвѣтъ россійскаго пролетаріата одно время поддался тому повѣтрію, которое сейчасъ еще уноситъ столько жертвъ, повѣтрію, которое мы называемъ оборончествомъ или соглашательствомъ. Однако, петроградскіе рабочіе переболѣли этой болѣзью гораздо быстрѣе, чѣмъ рабочіе другихъ городовъ. Въ быстромъ ходѣ нашей революціи авангардъ рабочаго класса, петроградскіе рабочіе, очень быстро отдѣлался отъ этой болѣзни. Уже въ апрѣлѣ мы видѣли первое движеніе въ Петроградѣ противъ тогдашняго буржуазнаго правительства Гучкова Милюкова, Львова и компаніи,—движеніе, которое, въ сущности говоря, было уже чревато октябрьскими днями, т. е. рабочей революціей, которую мы видѣли въ октябрѣ. Вы помните движеніе за Невскимъ,

вспыхнувшее инстинктивно, без великаго призыва какой бы то ни было партіи,—движеніе, которое опрокинуло первое, чисто буржуазное правительство, и привело къ созданію, такъ-наз., коалиціоннаго правительства.

Не прошло и мѣсяца послѣ этого, уже во время перваго Съѣзда Совѣтовъ рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ, въ Петроградѣ, въ концѣ мая и въ началѣ іюня, и петроградскій пролетаріатъ уже въ громадномъ большинствѣ стоялъ на другой платформѣ, нежели оборонцы и соглашатели. Намъ запретили демонстрацію, назначенную на 9 іюня демонстрацію, которая должна была протекать подъ знаменемъ: «Вся власть Совѣтамъ».

Это движеніе созрѣвало въ нѣдрахъ петроградскаго пролетаріата съ необычайной быстротой. Непосредственные участники этого движенія сами не отдавали себѣ отчета, какъ быстро совершался переломъ. Въ концѣ мая или въ началѣ іюня въ этомъ залѣ мы имѣли первое засѣданіе фабрично-заводскихъ комитетовъ города Петрограда, на которомъ среди петроградскаго фабрично-заводскаго пролетаріата мы одержали первую побѣду надъ оборонцами. Въ Петроградскомъ Совѣтѣ, гдѣ участвовали и солдаты, мы все еще были меньшинствомъ. И здѣсь впервые послѣ трехъ мѣсяцевъ революціи мы увидѣли наглядно результатъ перелома души петроградскаго рабочаго, когда онъ скинулъ на глазахъ у всѣхъ обузу оборончества и сталъ прокладывать дорогу къ новому пути—пути рабочей революціи.

И чѣмъ больше петроградскій авангардъ занималъ передовую позицію, тѣмъ больше онъ отбрасывалъ отъ себя знамена оборончества, тѣмъ большая пропасть оказывалась между нимъ и тогдашнимъ центральнымъ коалиціоннымъ правительствомъ, тѣмъ больше обострялись эти противорѣчія и тѣмъ быстрѣе шли мы навстрѣчу опредѣленнымъ столкновеніямъ. Вы помните демонстрацію 17 іюня, подъ давленіемъ рабочихъ-большевиковъ назначенную тогдашнимъ соглашательскимъ центральнымъ исполнительнымъ комитетомъ,—демонстрацію, которая, по общему признанію, была тріумфомъ нашихъ идей, принциповъ и идеаловъ. Демонстрація назначенная Чхеидзе и Церетелли, протекла подъ знаменемъ «Вся власть Совѣтамъ». Когда на Марсовомъ Полѣ собрались вожди центральнаго исполнительнаго комитета и коалиціоннаго правительства, тогдашніе властители умовъ во главѣ съ Чхеидзе, Церетелли, съ покойнымъ Плехановымъ, они должны были въ теченіе нѣсколькихъ часовъ наблюдать безконечное

шествіе десятковъ и сотенъ тысячъ рабочихъ, которые шли подъ знаменемъ: «Долой министровъ-капиталистовъ», «Вся власть Совѣтамъ». Уже въ тотъ моментъ мы видѣли полный разрывъ авангарда рабочаго класса, петерскаго пролетаріата, съ революціоннымъ правительствомъ и съ той партіей, которая тогда стояла у власти.

На демонстрацію 17 іюня правительство Керенскаго отвѣтило наступленіемъ 18 іюня,—наступленіемъ, которое подготовлялось недѣлями, которое было подготовлено англійскими и французскими капиталистами. Въ моментъ, когда петерскій пролетаріатъ окончательно отшвырнулъ ногой соглашательство, они объявили наступленіе на фронтѣ, считая, что они этимъ бьютъ петроградскій пролетаріатъ. И эти двѣ демонстраціи: 17 іюня—рабочая и демонстрація 18 іюня—имперіалистовъ, слугъ англійскаго, французскаго и русскаго имперіализма,—онѣ показали съ наибольшей наглядностью, что мы неизбѣжно идемъ къ столкновенію двухъ лагерей, двухъ партій: рабочихъ и буржуазіи.

И дѣйствительно, это столкновеніе назрѣло гораздо быстрѣе, чѣмъ можно было ожидать. Не прошло и двухъ недѣль,—мы увидѣли движеніе 3 іюля. Вы знаете, что нашу партію обвиняли въ томъ, будто она устроила заговоръ 3 іюля, будто она устроила это движеніе, подстроила его. Прошелъ годъ, мы живемъ въ иной обстановкѣ, теперь нѣтъ никакихъ основаній скрывать то, что было. И мы заявляемъ такъ же, какъ заявляли годъ тому назадъ: наша партія ни въ какой мѣрѣ не подготовляла этого «заговора», она дѣлала все возможное, чтобы сдержать выступленіе въ тотъ моментъ. Можетъ быть, будущій историкъ запишетъ это намъ въ минусъ, можетъ быть, онъ скажетъ, что это была наша ошибка, что мы задерживали выступленіе тогда. Но фактъ остается фактомъ. Въ теченіе двухъ недѣль, начиная съ демонстраціи 17 іюня, наша партія, вліяніе которой росло не по днямъ, а по часамъ, дѣлала все возможное для того, чтобы сдержать преждевременное выступленіе петроградскихъ рабочихъ. Не было и помину ни о какомъ заговорѣ. Всѣ дѣятели нашей партіи въ теченіе двухъ недѣль занимались тѣмъ, что локализировали пожаръ. Мы, бывало, шутили тогда промежъ себя, что мы превратились въ пожарныхъ и тушимъ пожаръ. Мы исходили не изъ того, конечно, что желали мириться съ Керенскимъ и его правительствомъ. Но мы чувствовали, что петроградскій авангардъ еще недостаточно сросся со всей арміей рабочихъ, что онъ забѣжалъ

слишкомъ впередъ, что онъ слишкомъ нетерпѣливъ, этотъ герой, питерскій пролетарій, что основныя колонны не подоспѣли, особенно солдатскія и крестьянскія. И, тѣмъ не менѣе, вопреки тому, что наша партія сдѣлала все возможное, чтобы это выступленіе сдержать, оно вспыхнуло. И надо было быть либо предателемъ, либо тупицей, чтобы движеніе 3 іюля объяснить результатомъ заговора какой-нибудь группы или партіи.

Многіе изъ васъ видѣли это движеніе. Вы помните безконечное море людей на улицахъ у Таврическаго дворца и по всему Питеру, вы помните десятки тысячъ рабочихъ, работницъ и дѣтей Путиловскаго завода, которые цѣлую ночь подходили къ Таврическому дворцу, которые, несмотря на всѣ уговоры, не хотѣли расходиться. Я думаю, никто не забудетъ той картины, когда рабочіе и работницы расположились на всю ночь передъ Таврическимъ дворцомъ и говорили, что они не уйдутъ: или эти господа передадутъ власть Совѣтамъ, или мы свергнемъ ихъ. Это движеніе было самымъ мощнымъ, самымъ подлиннымъ народнымъ движеніемъ, какое когда-либо знала исторія революцій. Въ одно мгновеніе десятки и сотни тысячъ людей встали на ноги. Въ этомъ залѣ засѣдалъ тогдашній центральный исполнительный комитетъ меньшевиковъ и правыхъ эсъ-эровъ во главѣ съ Авксентьевымъ, а мы были тогда маленькимъ секторомъ здѣсь. И мы вѣрили, что эти люди въ послѣднюю минуту способны понять духъ народнаго движенія, способны сблизиться съ нами. Я помню, какъ мнѣ довелось отъ имени нашей фракціи говорить Авксентьеву, который предсѣдательствовалъ. Было уже совершенно ясно, что движенія не сдержать, и мы говорили: возьмите власть, скажите, что вы берете власть, вы, которые имѣете меньшевистское и эсъ-эровское большинство, возьмите власть, и камень скатится съ нашей души, мы облегченно вздохнемъ и мы будемъ вести борьбу въ рамкахъ совѣтскихъ партій. Какъ были мы наивны, какъ мало понимали мы тогда, насколько разошлись мы съ этими людьми, какъ мало понимали мы, что это два различныхъ лагеря, что это представители кулаковъ, представители другого міра.

Вы помните, какъ разыгрались событія въ Петроградѣ. Громадное большинство солдатъ перешло сразу на нашу сторону, сила вся была на нашей сторонѣ, мы имѣли полную возможность взять власть въ Петроградѣ. Мы вспоминаемъ, какъ черезъ два дня сами наши противники должны были признать, что въ рѣшающую минуту

у нихъ не оказалось и сотни вѣрныхъ солдатъ. И только черезъ полтора дня на этой трибунѣ разыгралась знаменательная сцена, которая не должна быть забыта. Мы сидѣли здѣсь, а за стѣнами бушевала народная толпа, которая требовала перехода всей власти къ Совѣтамъ. А меньшевики и правые эсъ-эры сидѣли и ждали, когда агенты Керенскаго, Станкевичъ и компанія привезутъ солдатъ съ фронта на расправу съ рабочими. И они дождались, наконецъ, радостнаго момента, когда на этой трибунѣ показался поручикъ Кучинъ, и предсѣдатель Данъ бросился ему въ объятія, и они облобызались. И оттуда раздались звуки марсельезы, вошли солдаты, которыхъ они привезли съ фронта, чтобы учинить расправу надъ петроградскими рабочими и кронштадтскими матросами. Тогда они стали сажать насъ въ тюрьмы, душить наши газеты. Въ этотъ моментъ стало ясно, что на фронтѣ не все созрѣло для рабочей революціи, что есть еще группа солдатъ, которые вѣрятъ имъ. Мы видѣли, что въ данный моментъ переходъ власти къ рабочимъ не можетъ совершиться успѣшно.

И когда намъ сейчасъ говорятъ о гражданской войнѣ, когда сейчасъ на всѣ голоса вопіютъ противъ нашего правительства, говорятъ, что мы прибѣгаемъ къ насилію надъ контръ-революціонерами, то въ этотъ день, въ годовщину 3 іюля, не мѣшаетъ вспомнить элементарный историческій фактъ. Никто иной, какъ Милюковъ, который сейчасъ сидитъ у Скоропадскаго, и его газета «Рѣчь» за нѣсколько недѣль до 3 іюля отвѣчала прямо, опредѣленно и настойчиво въ отвѣтъ на вопросъ о томъ, что надо сдѣлать съ Ленинымъ и другими. Она говорила: «арестовать, арестовать и арестовать». Никакихъ другихъ словъ она не знала. И первое «соціалистическое» правительство, которое подписало первый приказъ объ арестѣ соціалистовъ послѣ революціи, это было правительство Керенскаго, Церетели и Чернова; это былъ приказъ объ арестѣ Ленина, потомъ Троцкаго и другихъ товарищей. И когда они сейчасъ говорятъ о гражданской войнѣ, имъ надо отвѣтить: сѣмя гражданской войны вы посѣяли въ іюнѣ и въ іюлѣ, когда вы звали съ фронта солдатъ для расправы съ петроградскими рабочими, которые требовали перехода власти къ вамъ, къ тогдашнимъ Совѣтамъ, въ которыхъ вы имѣли большинство; сѣмя гражданской войны посѣяли тогда, когда вы, по словамъ Милюкова «арестовать», подписывали приказы объ арестѣ. Изъ протоколовъ кадетской партіи извѣстно, что рѣшеніе коалиціоннаго правительства о нашемъ арестѣ было принято единогласно «соціалистическими» мини-

страны. Кадетскіе министры явились въ центральный комитетъ кадетской партіи и съ тріумфомъ сообщили, что Церетели, Черновъ, Скобелевъ,—эти такъ-называемые соціалисты, которые сидѣли тамъ,—голосовали за нашъ арестъ. Они тѣмъ самымъ присоединились къ кадетской буржуазіи, которая требовала нашихъ головъ.

Въ сегодняшній день нельзя не вспомнить одного факта. У насъ идетъ острая борьба, которая рѣшается при помощи пулеметовъ и артиллеріи. Но никто изъ насъ никогда не прибѣгнетъ къ тому, къ чему прибѣгли въ іюльскіе дни наши противники. Я говорю о томъ позорномъ дѣлѣ Дрейфуса, которое они пытались создать вокругъ насъ. Вы помните дѣло по обвиненію Ленина, меня и ряда другихъ товарищей, будто мы—нѣмецкіе шпіоны, будто мы получили столько-то милліоновъ, будто у нихъ есть наши расписки. Вы помните, какъ министръ-«соціалистъ» Переверзевъ черезъ два дня говорилъ прямо и опредѣленно, что онъ выдвигаетъ это обвиненіе для того, чтобы посѣять ненависть къ намъ среди солдатъ. Вы помните эту бездну лжи и клеветы, которая была поднята противъ насъ; вы помните случаи самосудовъ надъ нашими товарищами. Товарищи, на такое черное дѣло способны были соціалисты! Пусть намъ не говорятъ, что это было сдѣлано помимо нихъ. Предсѣдателемъ совѣта министровъ въ то время былъ Керенскій, и въ министерствѣ сидѣли Церетели, Черновъ и Скобелевъ, и они не протестовали противъ этого. Я вспоминаю нашу наивность, когда 5-го числа я явился на засѣданіе центральнаго исп. комитета, гдѣ сидѣли эти люди, и просилъ внѣочередного слова и говорилъ: неужели вы въ такомъ вопросѣ, какъ вопросъ о шпіонствѣ, не поднимете голоса протеста? Я вспоминаю, какъ всталъ Чайковскій, имѣющій такія заслуги въ прошломъ, и сказалъ: «дыма безъ огня не бываетъ». Если говорятъ, что Ленинъ и другіе взяли 200 милліоновъ, то дыма безъ огня не бываетъ. Это его буквальныя слова. И встали такіе господа, какъ Булатъ, который говорилъ въ такомъ же духѣ, и вставали Данъ и компанія, которые говорили: «Мы не вѣримъ обвиненіямъ, но для вашей же пользы надо предать васъ суду». Они выдали насъ съ головой Алексинскому, Переверзеву и всей этой бандѣ. Болѣе позорнаго пятна не было ни на одной партіи и никогда не будетъ. Въ политической борьбѣ опуститься до того, что своего противника пытаться изобразить нас[illegible] агентомъ, завѣдомо зная, что это ложь. Я глубоко убѣжденъ, что не только Данъ, но и самъ г. Милюковъ ни на одну секунду не вѣрилъ, что Ленинъ—

шиість. Они знали, кто такой Ленинъ; они здѣсь совершенно хладнокровно и обдуманно совершали буржуазное надувательство и низменное шулерство, при помощи котораго хотѣли отравить сознаніе народа.

Недаромъ говорятъ, что кто сѣетъ вѣтеръ, тотъ пожнетъ бурю. На два—три дня, да и то только маленькія кучки рабочихъ повѣрили клеветникамъ, но потомъ эта вѣра быстро исчезла, какъ только рабочие увидѣли, въ чемъ дѣло. Когда намъ съ т. Ленинымъ пришлось прятаться въ рабочей семьѣ, мы видѣли, какъ съ каждымъ днемъ у рабочихъ пелена спадала съ глазъ. Самые простые изъ нихъ начинали понимать, что ихъ натравливаютъ на ихъ друзей путемъ клеветы. Рабочіе поняли, что большевики есть единственная партія, которая до конца защищаетъ интересы рабочаго класса.

Это дѣло останется самымъ чернымъ пятномъ на партіи меньшевиковъ, на партіи правыхъ с.-р., не говоря уже о контръ-революціонной партіи кадетовъ. Нигдѣ въ исторіи ни въ какія времена ни одна партія не унижалась до такихъ пріемовъ. Я понимаю борьбу съ оружіемъ въ рукахъ, понимаю борьбу пушекъ противъ пушекъ. Но когда люди знали, кого они хотятъ оклеветать, когда они хотѣли цѣлую партію потопить во лжи, тогда они сами подписали себѣ приговоръ, — къ этому средству они прибѣгли потому, что не могли прибѣгнуть ни къ какимъ другимъ средствамъ, потому что другихъ средствъ у нихъ не было. Они это чувствовали и мы это поняли.

И вотъ я говорю, оглядываясь на прошедшій годъ, — сегодня стоя у власти, мы говоримъ: движеніе 3 іюля навѣки перейдетъ въ исторію всего міра, въ исторію всѣхъ революцій, какъ мощное народное движеніе, которое, можетъ, было недостаточно организовано, въ которомъ, можетъ быть, было много стихійности, но которое по существу сводилось къ тому, что цвѣтъ россійскаго рабочаго класса, питерскій пролетаріатъ, который видѣлъ весь развратъ коалиціоннаго правительства, не сталъ терпѣть дольше и захотѣлъ скинуть со своей спины наше коалиціонное правительство — этихъ маріонетокъ англійской и французской буржуазіи. Питерскій рабочій классъ, который впослѣдствіи, когда показывали это движеніе, они изображали, какъ чудовищное стадо людей, не понимающихъ, въ чемъ дѣло. Даже Горькій унизилъ свое перо до того, что описалъ демонстрацію 3 іюля, какъ бѣгущее неразумное стадо. Онъ выхватилъ отдѣльные эпизоды, которые были во всѣхъ народныхъ движеніяхъ, которые были и при взятіи Бастиліи, когда отдѣльныя группы людей мечутся во всѣ сто-

роны. Но Горькій не оказался способнымъ понять души третье-іюльскаго движенія. Это было мощное, великое народное движеніе именно потому, что оно шло съ низовъ, отъ рабочихъ, отъ женщинъ рабочаго класса, отъ лучшей части солдатъ.

И тѣмъ больше неистовствовали соглашатели противъ насъ. Вспомните, что они совершали, вспомните гражданскую казнь, которую они совершали на площади Зимняго дворца надъ пулеметчиками, какъ они разоружали цвѣтъ тогдашней революціонной Россіи. Это дѣлали «соціалисты» вмѣстѣ съ Керенскимъ, Церетелли и т. д. Что бы ни случилось—это вѣчный позоръ для нихъ. (Аплодисменты.)

Керенскій и Церетелли распинали здѣсь передъ глазами рабочаго класса пулеметчиковъ. И каждый разоруженный пулеметчикъ это былъ будущій столпъ Совѣтской Россіи, каждый разоруженный пулеметчикъ никогда не забудетъ, что эти люди, называвшіе себя соціалистами, на самомъ дѣлѣ были бѣлогвардейцами, врагами рабочаго класса.

Къ тѣмъ же самымъ кронштадтскимъ матросамъ, которыхъ сажали въ тюрьмы, этихъ же самыхъ матросовъ, когда рука Корнилова приближалась сюда, когда она тянулась къ шивороту Керенскаго,—Чхеидзе вызвалъ на помощь и только спрашивалъ нашего товарища Каменева,—вѣдь была послана телеграмма ночью,—почему же они не явились сюда? Мелкая буржуазія всегда бросается изъ стороны въ сторону: сегодня она обращается къ кронштадтскимъ матросамъ, а завтра она ополчается противъ нихъ; она всегда сидитъ между двухъ стульевъ. И нѣтъ существа болѣе гнуснаго, разнузданнаго, какъ эта мелкая буржуазія, которая часто неистовствуетъ противъ рабочихъ въ сто тысячъ разъ хуже, чѣмъ самые крупные, матерые разбойники.

Оглядываясь назадъ, мы говоримъ движеніе 3-го іюля было самымъ величайшимъ крупнымъ народнымъ движеніемъ, оно таило въ себѣ рабочую октябрьскую революцію, и теперь мы говоримъ: не погибнетъ тотъ рабочій классъ, который въ такой трудный моментъ революціи, когда у власти стояли якобы соціалисты, а на самомъ дѣлѣ люди, старавшіеся его обмануть, не погибнетъ тотъ рабочій классъ, который сумѣлъ создать, выдержать іюльскіе дни. Господа соглашатели тогда совершили такое же палачество, какъ Галифе. Но рабочій классъ быстро поднялся на ноги, не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ власть цѣликомъ перешла въ руки рабочаго класса.

Если сейчасъ рабочій классъ вынужденъ безпощадно расправляться со своими врагами, то не потому, что мы—любители этихъ методовъ.

Полная побѣда рабочаго класса будетъ ознаменована предоставленіемъ полной свободы всѣмъ и каждому, но въ настоящій переходный моментъ, когда насъ подстерегаютъ со всѣхъ сторонъ враги, когда стоитъ намъ на минуточку только выпустить власть изъ нашихъ рукъ, и расправа 3 іюля покажется дѣтской игрушкой по сравненію съ тѣмъ, что сдѣлаютъ съ нами,—въ этотъ моментъ мы принуждены быть безпощадными.

Годовщину 3 іюля мы встрѣчаемъ въ очень тяжелой обстановкѣ. Только вчера послѣдовало заявленіе германскаго правительства, которое сводится къ тому, что, опираясь на провокацію маленькой шайки лѣвыхъ с.-р., господа нѣмецкіе имперіалисты, которые используютъ все, предъявляютъ намъ теперь шейлоковскій вексель: потрудитесь-ка разрѣшить для насъ ввести отрядъ вооруженныхъ силъ въ Москву. Теперь, навѣрное, многіе изъ лѣвыхъ с.-р. поймутъ, что ихъ поступокъ былъ направленъ не противъ Германіи, а противъ Совѣтской Россіи.

Можетъ быть, лѣвые эсъ-эры поймутъ, какъ они играли съ огнемъ. Вы знаете заявленіе германскаго правительства и отвѣтъ Централ. Испол. Комит. Совѣтской Россіи и Совѣта Народныхъ Комиссаровъ. Этотъ отвѣтъ гласитъ, что мы этого предложенія не принимаемъ и считаемъ, что если намъ будутъ навязаны такія требованія, то мы при всемъ своемъ отвращеніи къ войнѣ и при всемъ своемъ желаніи мира, хотя и тяжелой цѣной купленнаго, вынуждены будемъ обнажить мечъ. (Аплодисменты.) Я думаю, что Петроградскій Совѣтъ и въ этомъ вопросѣ цѣликомъ и беззавѣтно будетъ стоять за спиной славнаго Совѣта Народныхъ Комиссаровъ. (Аплодисменты). Товарищи, въ дни 3—5 іюля пало немало жертвъ нашихъ. Конечно, въ хорошемъ обществѣ не принято говорить объ этихъ жертвахъ, что въ самомъ дѣлѣ эти кронштадтскіе матросы, которые, какъ извѣстно изъ буржуазныхъ газетъ, шли только для того, чтобы вытащить часы у буржуя (такъ по крайней мѣрѣ изображали кронштадтское движеніе), что такое—эти дикіе рабочіе, которые не понимали, что плясали подъ дудку «германскихъ агентовъ», что они по сравненію съ такими героями, какъ Савинковъ, Гоцъ и компанія! На самомъ дѣлѣ, товарищи, будущій историкъ скажетъ, что жертвы 3—5 іюля являются самыми благородными жертвами,—жертвами, вырванными изъ рядовъ самаго благороднаго, единственно революціоннаго класса—рабочаго класса, который не можетъ освободить себя, не освободивъ весь міръ. Пало много и казаковъ въ эти дни. Недавно мнѣ случилось принимать делегацію отъ

ковскихъ казаковъ, во главѣ со священникомъ-старикомъ, всецѣло перешедшимъ на сторону Совѣтской власти, который обращался съ просьбой и предложеніемъ перенести могилы павшихъ казаковъ на родину, поставить памятникъ и объяснить тамъ, что эти люди пали жертвой недоразумѣнія, для того, чтобы загладить пропасть между петроградскими рабочими и казаками, которые пали не потому, что шли за Керенскимъ, а потому, что темныхъ людей удается, къ несчастію, натравливать другъ на друга. И это не только у насъ, въ Россіи, но и въ болѣе просвѣщенныхъ странахъ. Сегодня я предлагаю почтить вставаніемъ память всѣхъ павшихъ тогда нашихъ товарищей. (Встаютъ.)

Мнѣ кажется, товарищи, что продолжать дѣло нашихъ борцовъ 3—5 іюля, дѣло такихъ рабочихъ, какъ Воиновъ, котораго растерзала безумная толпа, дѣло кронштадтскихъ матросовъ и питерскихъ рабочихъ, которые легли десятками, продолжать ихъ дѣло это означаетъ: впередъ за Совѣтскую власть, не останавливайся ни на секунду, пусть вырываютъ лучшихъ людей изъ нашихъ рядовъ, пусть переживаемъ мы самые тяжелые дни холеры, чумы, нѣмцевъ, японцевъ, правыхъ с.-р. (аплодисменты), навѣрно, намъ суждено пережить еще болѣе тяжелые дни. Тѣмъ не менѣе, нашъ классъ побѣдитъ, соціализмъ побѣдитъ. Да здравствуетъ соціализмъ!

Издательство Всеросс. Ц. И. К., Москва, Тверская, 11.

